Театр и искусство.

по выставкам.

СОЮЗ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ.

Накануне Нового года «вся Москва» собралась на торжественное открытие выставки Союза русских художников. Эта 17-ая выставка Союза, т. е. фактически первая после пятилетнего перерыва, вызванного революцией. Казалось бы, надо только приветствовать то, что Союз и его счастливые художники вновь всплыли на арену новой России и успели дать целых 300 работ. Но... в том-то и дело, что перерыв в деятельности сказался заметно.

Тут один—это передышка в движении, период розыска и накопления сил. Но настоящих людей искусства, даже если имеешь в виду именно не безупречно, это—период внутреннего роста, интуитивной работы художественного сознания: мастера лучшие мастера много для жизненных моментов общественных потрясений передко словно уходили в себя, чтобы выносить и вырастить в себе новое.

Для других перерыв, но—период спячки, простаивания, или, в лучшем случае, топтания на месте. Но—увы—когда люди искусства в течение нескольких лет (и больших лет, тем временем!) стоят на месте, то это значит, что они уже отстают. Ибо жизнь искусства не ждет. Здесь отсталость—не достоинство, но недостаток. Значение такое значение перерыва в работе Союза русских художников. При виде нынешней выставки не верится, что ей было столько лет: точно перед видом из окна не меняешь, не изменяешь своего положения, так же, как не меняешь, например, впечатления, получаемого от пейзажей, открывающихся из окна вагона, когда поезд мчится мимо них. Точно время, и именно время—Союз оставило нетронутым, не изменялся.

Нет, в Союзе русских художников ничего не изменилось. Не уже ли столько лет неисполнительные ни русские снега и ветлянки, утра и сумерки, златоверхие церкви и глухие деревни, мирные вечерние чаепития механики: те же вечерние настроения на террасах под разноцветными зонтиками (Коренин) или в уютных гостиных на фоне фамильных портретов (Виноградов); тот же пафос на старинную тему: всадник на карельской березе и красногрудый снегирь (Жуковский); те же дамы с серебряными и сиреневыми с дамами сапфическими дамы в Союзе как раз несколько европеизировались в духе «ню» парижских салонов).

В общем России «русских художников»—особенная Россия, в пышной золоченой раме, под стеклом—России под стеклом и под колпаком. Словно не было у нас ни гражданской войны, ни грозы и бури революции, словно такое же в ней мирное затишье, под церковный звон и журчанье тихих пестерюхинских вод, словно не родился на наших глазах новый тип, новое чувство жизни. Все это, впрочем, касается сюжетов живания. Не ведь говорят же, что в современном искусстве важно не то, «что» изображается, а «как» изображение, какой взят «подход». В конце-концов ведь действительно, даже и в нынешней России зима осталась белая, цветы попрежнему цветут, Кремль и другие святыни попрежнему сохраняются, и изображать ушину вместо гостиных пасеньо никого не заставишь. Не в области «подхода» и области формы у русских художников все осталось попрежнему. Так же шокирует не только свои близкие Жуковский, так же штукатурит новым Туржанский, и выдавливает на холст новые тюбики серы Петровичев, так же «импрессионирует» Коренин, так же фотографически снимает свои портреты Малютин, так же инструктирует старинные гобелены Н. Сапаров, а Ф. Захаров совершенствуется в светских миниатюрах на слоновой кости. И—что печально—плох на этот раз Крымов и т. д. Да, и в области цвета, композиции и фактуры ничему не научились «русские художники» за эти годы. Очевидно, они стали солидны, что считают все «малые» даже импрессионизмы с его синими тенями уже своего достоинства. Впрочем, их новшества они, несомненно, руками и ногами признают одно—новую экономическую политику, напоминающую публику, желающую, чтобы «на Живое было поспокойнее и чтобы не перетряхивали на все деньги повсюдатрясе.

Но нет: времена переменились, Союз окончательно состарился. В том-то и заключается печальная диагноза молодого искусства, что как бы оно ни спотыкалось в разбегах своих, однако, после него уже только без смертной скуки смотреть на то, что чужло всякого рода исканий, всякой напряженности чувства и мысли, на чем лежит печать обывательщины. И если мы должны бороться с пейзажем передвижен каких-либо левых художников, то тем более должны мы укрепить нашу позицию на идеологическом фронте апрапо! Ибо молодежь все же ищет искренно-честною неистового голодания...

В заключение, как водится, надо дать справедливости отметить и все-что лучшее на выставке: «Новую планету» и проникновенные рисунки Юона, не лишенную свежести и теплоты живопись Петрова, портрет Гольцингер, «Двойники» Ульянова, «Пейзажи» Зайцева и отчасти Лысенко, рисунки Ефимова, Захарова и особенно отличную графику Бранченко, а также «Рысь» и «Зайцы» Ватагина, исполненные с чувством компактности материала.

Я. Тугендхольд.

Известия В.Ц.И.К. – М., 1923 (13 января). – № 8(1745). – С 5.